

ЧЕХОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ 2015

Блестящая идея Валерия Шадрина проводить в России, в Москве театральный фестиваль вроде авиньонского за 23 года доказала свою жизнеспособность и необходимость. Он дарил и дарит радость знакомства с лучшими режиссерами и актерами, шокировал, восхищал, порой и разочаровывал, но никогда не оставлял равнодушными, никогда ни на минуту не дал повода усомниться в важности и нужности выбранного пути. Шадрин и его команда были пионерами среди тех, кто изменил вектор развития российского театра. Кроме всего прочего, он выполнял важнейшую культуртрегерскую задачу. В самом начале девяностых, на заре смены всех ориентиров и обретенной свободы он смело и решительно начал устанавливать контакты с лучшими мировыми режиссерами и коллективами, не просто заглянул за железный занавес — решительно отодвинул его и подарил нам все краски театрального мира. Позже появятся другие международные фестивали, Чеховский остался самым всеобъемлющим, самым значительным и самым важным для понимания тенденций развития мирового театрального процесса.

XII Международный театральный фестиваль 2015 года, как всегда, дарил встречи с полюбившимися мастерами, такими как Филипп Жанти, Мария Пахес, Джеймс Тьерре. Была представлена интересная и разнообразная программа китайского театра.

Фестиваль показал работу Владимира Панкова: его «Война» — амбициозный собственный проект Чеховского фестиваля. Поставленный к 100-летию со дня начала Первой мировой войны, спектакль перерос рамки «датского» проекта, стал страстным, убедительным высказыванием о бесчеловечности и ужасе Войны как человеческого, вернее античеловеческого деяния, которое пронизывает историю цивилизации, вызывая недоумение, рождая крик отчаянья — почему уроки истории никого и ничему не учат!? Соединив тексты «Илиады» Гомера, романа

Ричарда Олдингтона «Смерть героя», «Записки кавалериста» Николая Гумилева, постановщик создал мощное эпическое произведение. Крушение идеалов и иллюзий, невыносимая боль утраты близких людей, горе матерей и отчаянье разочаровавшихся сыновей — все это лишено назидания и дидактики, торжественность александрийского стиха соединяется с рваными фразами. Постановочные и изобразительные средства (художник Максим Обрезков) разнообразны и убедительны. На тонких тросах взмывают вверх герои и шинели, огромная

люстра, бывший символ благополучия, становится знаком распавшегося мира. Не бояться открытого выражения чувств герои (актеры Валерий Гаркалин, Елена Шанина, Павел Акимкин).

Дразнила пряными восточными «сладостями» японская «Махабхарата — Налачаритам». Древний индийский эпос рассказан современными японскими актерами, опирающимися на опыт традиционного театра Кабуки, бунраку и бумажного театра камишибай. Полтора часовое зрелище оказалось легким, изящным, остроумным, стильным, убедительным и наивным.

«Налачаритам» это история любви между королем Нала и принцессой Дамаянти... Сюжет переносен из Древней Индии в Японию 10 века. В нем заняты 25 актеров-танцоров, очень стильный оркестр, забавный рассказчик, и все они очень ловко и непринужденно вовлекают зрителей в свой спектакль» (из буклета фестиваля, стр 56).

Казалось, актеры заключили своеобразный договор со зрителями

и пригласили всех пришедших в тысячный зал (помещение Театра Моссовета) принять участие в веселой и поучительной игре. Происходящее на сцене не стало ни легковесным, ни пустым. История возвышения, временного безумия, азарта, странствий, узнавания-неузнавания, счастливых совпадений и драматических случайностей была разыграна в хорошем темпе, с блеском и верой в предлагаемые обстоятельства. Все знают ставшую уже банальной фразу — выходят два актера, расстилают коврик — вот и театр готов. Но в данном случае все было именно так. На приподнятом белом пандусе — фигуры в белых одеяниях. Звучит монотонная ритмизованная речь — с придыханием и подвыванием. На сцене появляются персонажи рассказываемой истории. Представляются выразительные пластические этюды. Из самого непрочного материала — бумаги — появляются фигуры-иллюстрации, фигуры-образы. В центральные двери, расположенные у последнего ряда амфитеатра, входят актеры,

державшие вдвоем при помощи шестов большие странные изогнутые фигуры — с детской радостью опознаешь в них бивень слона, и словно воочию видишь это огромное животное. Вот небольшие щиты, сзади поддерживаемые согнувшимися актерами, а надеты на их руки и головы перчатки и шапочки с фигурками маленьких обремененных поклажей верблюдов и луна на длинной палочке помогают понять, что перед нами караван, бредущий по пустыне. И появляется огромный змей-дракон и еще много-много чудес, куда смело отнесем и блестящее «вставное» выступление музыкантов, отбивающих ритм на барабанах и разных экзотических инструментах. Как просто, как изысканно, как точно!!!

После странных ребусов, тяжелого морока современных проблем ясные и простые истины, рассказанные весело, убедительно, талантливо. Поставил спектакль ученик Тадаши Судзуки Сатоси Мияги, хрупкий человек с необыкновенной фантазией

и пониманию глубинной природы театра. Художник спектакля Джунпей Киз, музыка Хироки Танакава.

Чеховский фестиваль знакомит публику с современными балетмейстерами, с балетными новациями. Главный его подарок нам — Мэтью Боурн — любитель публики.

Несомненной удачей стало приглашение Государственного театра Нюрнберга (Германия) с балетом «Золушка» на музыку Сергея Прокофьева, поставленного Гийо Монтеро (Испания), он же автор либретто. Золушка, жестоко третируемая, предстала таким зверенышем. Сравнение с Маугли и было использовано несколькими критиками, потому что возникает из-за странной пластики, скрюченности фигуры, угловатых движений, невероятных цирковых кульбитов. В решении этой истории много неожиданного, например, введение темы птиц, наивное, спорное, но в целом спектакль захватывает, увлекает, убеждает.

Фестиваль начался спектаклем французского театра Буфф дю Нор. Вполне традиционный выбор — Мольер «Мещанин во дворянстве». Можно было вспомнить какие-то виденные гораздо более цельные и изобретательные интерпретации этой пьесы (постановка — Дени Подалидес, сценография — Эрик Рюфо). Но все искупала блестящая игра Паскаля Ренерика — Журдена. Смесь наива, детской искренности и непосредственности, мастерства, легкой игры с залом, невероятной органики.

Фестиваль эффектно завершился спектаклем «Ложные признания», поставленным по пьесе Пьера Марииво швейцарским режиссером Люком Бонди в парижском театре Одеон, впервые приехавшим в Москву.

Больше десяти лет назад Бонди потряс театральных гурманов «Чайкой», открыв в знакомой до запятых пьесе море новых смыслов и подтекстов. Теперь встреч с ним ждут с особым нетерпением. И вот Марииво. Фирменный стиль Бонди — тонкая проработка текста, внешняя скупость, и аскетичность, умение работать на крупных планах. На сцене еще не начавшегося спектакля в глубине три круга, обозначенные разноцветными туфлями. Символ изобилия, не радующего хозяйку. Потом, ближе к финалу, слуга специальной большой щеткой

«сметет» их как ненужный сор. Они окажутся бессмысленным и жалким знаком успешной жизни. Бонди умеет вышивать кружева на сцене. Кружева диалогов и тонких нюансировок. Знаменитые «петелька-крючочек», удар — ответный ход, пинг-понг... Мячики — фразы легко перелетают от одного героя к другому через сетку условностей, жеманства, недоверия, боязни быть обманутым... В спектакле «Ложные признания» нет ни криков, ни ярких страстей, ни бурных объяснений... Чувства надежно спрятаны под пиджаками, сюртуками, плащами, платьями... Как страшно обмануться, оказаться беззащитным и стать смешным. Спектакль звучит невероятно современно. Это мы, такие свободные, такие открытые миру, уязвимы, как и прежде. Нас

ранит слово, насмешка, косой взгляд, убивает стена непонимания, воздвигнутая нами самими. Защищаясь от враждебного мира, мы так спрятали свою душу, что и сами забыли, была ли она у нас.

Эффектный Дорант — кинозвезда Луи Гаррель («Мечтатели» Бертолуччи) остается скорее служебным персонажем, отдаваясь на волю слуги Дюбуа (Ив Жак), мелкого беса с кошачьей мягкостью вползающего в пространство кабинета и в мысли богатой вдовы, интригуя, уговаривая, искушая, ведущего дело к нужному — кому? — пожалуй, что обоим главным героям, финалу. Доранту все время хочется отступить, исчезнуть, уйти в тень. Именно его индифферентность и «заводит» Араминту. В спектакле звездный состав. Бюль Ожье (госпожа Аргант), не раз работавшая с Бонди, актриса, могущая украсить любой спектакль. В ее сдержанности — нерв, презрение, высокомерие, и яркий властный характер. Одна из самых определенных фигур спектакля.

Мартон, компаньонка Араминты (Манон Комб), вполне современная девица, готовая немедленно отступить от возможного ухажера, если он попал в круг интересов ее «босса», Араминты.

И, наконец, главное, центр спектакля, смысл проекта — несравненная Изабель Юппер.

Поначалу она нарочито обыкновенная, затянутая в тугой корсет приличий и правил, которые помогают ей существовать в мире, построенном на иерархии не обсуждаемых запретов и указаний. Но постепенно слова змея-искусителя Дюбуа, вещественные доказательства вроде нарицательного портрета и, главное, нерешительность самого Доранта, бесконечная путаница, не прямые признания, а косвенные знаки любви и бесконечная замысловатая вязь

правды и лжи, замедленный затрудненный бег разжигают в ней страсть, замешанную на недоумении, любопытстве, сомнении, обещании... Ложные признания, атмосфера недосказанности и обмана, надежда и разочарования разжигают страсть и любовь Араминты Изабель Юппер. Она пробуждается для полноценной жизни как спящая красавица. Пространство чувств и чувственности — здесь Люк Бонди ощущает себя уверенно и бестрепетной рукой ведет за

собой актеров.

Изысканный, состоящий из полутонов и намеков, полный изыска и бесконечных переливов салонной игры, приводящий к нешуточным переживаниям, завораживающе замедленный и сохраняющий внутреннее напряжение спектакль держит зрителя в бесконечном сладостном ожидании все новых поворотов прихотливого сюжета. Пьесы Марииво привели к рождению термина мариводаж, что означает искусство плетения замысловатых диалогов — Бонди овладел им вполне и дал нам возможность насладиться игрой любви и случая, ведущих от ложных признаний к благополучному (!) финалу.

Не знаю, будут ли в конце концов счастливы герои Марииво, но зритель, посмотревший спектакли чеховского фестиваля, получил еще одно доказательство того, что театр жив, волнует, впечатляет, раздражает, огорчает и доставляет своим поклонникам минуты высокого счастья.